

«Дневник» братьев Гонкур

Jules et Edmond Goncourt "Journal". L'Imprimerie Nationale de Monaco, 1959.

С выходом двух последних томов «Дневника» братьев Гонкур завершено их полное издание.

У «Дневника» длинная история.

Писатели начали заносить свои впечатления в особую тетрадь начиная со 2 декабря 1851 года. Это был рассказ о событиях в стране, запись разговоров, которые они вели, либо описание фактов из их повседневной жизни. Вплоть до самой смерти в 1870 году эту обязанность почти ежедневно исполнял Жюль, а после него Эдмон. Позднее он назвал «Дневник» самым значительным из всех произведений, под которым стоит подпись обоих братьев.

Все издание состоит из 22 томов, им предшествуют три тома биографии, написанной французским писателем Андре Бийи, ныне одним из десяти членов Гонкуровской академии, основанной по завещанию писателей.

При жизни Эдмона было осуществлено лишь частичное, девяти томное, издание «Дневника», содержащего, по определению писателя, «приятную правду». Он подчеркивал, что «абсолютная правда» находится в неизданной части, которая имеет куда большее значение, но будет опубликована только спустя двадцать лет после его смерти. Братья Гонкур справедливо опасались, что если полный текст «Дневника» станет общественным достоянием сразу же после их смерти, то найдутся очевидцы описанных ими событий или их потомки, которые будут шокированы тем, что прочтут на его страницах.

Но это пугало не только Гонкуров. Эдмон умер в 1896 году, и издание полного текста «Дневника» было намечено на 1916 год. Однако в этот год министерство просвещения Франции воспротивилось его публикации. Запрет был подтверж-

ден и пять лет спустя под предлогом, что подобное произведение может поколебать «общественный порядок». «Дневник» еще многие годы пролежал в шкафах Национальной библиотеки в Париже. И только после целого ряда громких процессов Гонкуровская академия получила, наконец, возможность предпринять полное его издание.

«Дневник» полон живых документов, из них авторы черпали затем все необходимое для своих романов. Именно эта масса документов и делает «Дневник» незаменимым источником сведений об эпохе и о живших тогда людях.

В центре событий, конечно, сами Гонкуры. Это дает возможность составить ясное представление о среднем буржуа и о том, как он мог реагировать на важнейшие события своего времени.

Чрезвычайно ценны для истории литературы Франции определения того нового искусства (натурализма), которое Гонкуры стремились утвердить в своем творчестве и многочисленных эпигонов которого можно найти во французской литературе и сегодня.

«Нынешний роман,— писали они в «Дневнике»,— делается на основании устных документов или действительных происшествий, подобно тому как история — на основе написанных документов. Историк рассказывает о прошлом, писатели — о настоящем».

Сколько бы ни писали Гонкуры в «Дневнике» о том, что они «интересовались только литературой, а не политикой», они никогда не оставались пассивными перед лицом общественных событий, к которым проявляли столь же страстное внимание, как и к литературным.

...Первые записи «Дневника» совпадают с первыми

днями переворота Луи Бонапарта. Они относятся, быть может, к самому смелому из того, что когда-либо было написано братьями: «...В день страшного суда, когда все души будут доставлены на суд огромными ангелами... когда бог, наш отец, с большой белой бородой... спросив меня сначала, что я делал, задаст вопрос о том, что я видел, иначе говоря, о событиях, участником которых я стал как зритель, он, вероятно, спросит затем меня: «О ты, создание, которое я сделал гуманным и добрым, не видел ли ты случайно бой быков или пять огромных голых догов, раздирающих на части старого худого и тощего осла?» — «Увы, нет, о господи,— скажу я ему,— я видел худшее: я видел государственный переворот».

В этих, написанных в декабре 1851 года, строках мы ощущаем перо памфлетистов, почти таких же острых, как Виктор Гюго в «Истории одного преступления».

18 брюмера «Наполеона Маленького» встречено Гонкурами враждебно. Их враждебность не иссякала и все последующие двадцать лет, хотя карьера братьев Гонкур была сделана при империи. В одном месте они пишут о «цезаризме социализма империи», в другом — рисуют такую картину: «Сегодня у нас демократическое правительство с легендарным императором наверху и с принципами 1789 года, культом и обожествлением личности, церковью, лижущей сапоги Цезаря,— внизу! Ужасно и отвратительно!» Гонкурам пришлось неоднократно иметь дело с полицией и судом империи, которые преследовали их за то, что они писали. После снятия по приказу императора их пьесы «Анриетта Маршалль» братья констатируют: «Это действительно трусливое правительство». Тем не менее на основании таких страстных суждений не следует делать вывод, что Гонкуры были либералами.

Отнюдь нет. Достаточно обратиться к их оценке всех крупнейших событий второй половины прошлого века.

Возьмем, к примеру, Парижскую коммуну. Жюль де Гонкур умер в 1870 году. «Дневник» продолжает его брат. Об этом периоде можно найти блестящие, с литературной точки зрения, репортажи, написанные целым веком, по-прежнему внимательным к тому, что происходит вокруг него. Но в это же время с особой яркостью раскрываются и политические взгляды Эдмона де Гонкура. Он вторит всякой идущей из лагеря версальцев клевете на Коммуну, на ее бойцов. Он больше печалится о своем пострадавшем от боев саде, чем о сотнях несчастных, расстрелянных версальцами. И хотя в последний день вооруженной борьбы Эдмон и отмечает, что это зрелище «печально», он тут же не упускает случая подчеркнуть свой «ужас перед этими людьми», то есть коммунарами. Цинизм записи, сделанной в «Дневнике» после поражения парижского пролетариата 31 мая 1871 года, вызывает чувство отвращения.

Реакционные настроения у обоих Гонкуров мы находим на всем протяжении их жизни. Их программа — «Полностью отрицать преисловутые блага 1789 года». Поэтому-то Гонкуры пишут, что прогресс «сделал несчастными всех тех, кто имел маленькое состояние, что образование для всех — «бедствие», а стремление женщины из народа дать своему ребенку образование, которого она сама была лишена, — «безумие». Подчас они могут себе позволить немного «благородства»: «Вид бедного повергает меня в грусть на целый день», или: «Я мечтал о правительстве, которое постарается уничтожить нищету». Но всю свою жизнь оба остаются консерваторами, которые в 1868 году разрабатывают на будущее программу «элиты мыслящих», то есть «рабства каналов при благотельном господстве интеллигентной аристократии».

В течение минувшего века имели место и другие события, давшие повод Гонкурам высказаться в «Дневнике» идеи, которые они с достоинством лучшего применения по-

следовательно защищали всю жизнь. Например, дело Дрейфуса, разделявшее в течение многих лет Францию на два лагеря. Разумеется, Эдмон не участвует в потасовке. Это противно его темпераменту. Но уже с самого начала капитан Дрейфус является для него «предателем Дрейфусом». Спустя месяц Дрейфус продолжает оставаться в его глазах «негодяем», хотя наедине с самим собой перед чистым листом бумаги, с глазу на глаз с «Дневником» он признает, что офицер — «мерзавец, но в его предательстве я все же не убежден».

Однако говорить, что двадцать два тома «Дневника» братьев Гонкур дают нам возможность лишь составить себе представление о них самих только как о неприятных людях, было бы, конечно, совершенно неверно. Ценность этого произведения определяется в первую очередь тем, что оно является необычайно живой, точной, скрупулезной хроникой литературной жизни Франции за полвека.

Режи Бергерон

Париж